

Никак. Искусство – это способ познания; художник может быть пристрастен или привержен предрассудку любимой мысли, но он исполнен мужества смотреть на мир открытыми глазами.

«Новое время» открывает и практически обкатывает механизм подмены истины в массовом сознании. Правда – не то, что случилось, а то, про что напечатано. Главное – повторять почаще. Ибо достоверность определяется частотой употребления (тиражом) и предугадыванием ожиданий. Чем точнее журналист понимает страхи и чаяния читателя, тем вернее его трактовка жизни окажется принятой за правду.

Рецепт богатый, исправно работающий вплоть до сего дня. Наше время, конечно, внесло в него свои коррективы: факт публикации сам по себе уже не создает ауру достоверности. Все настолько привыкли к обману, что новостной и аналитический поток протекает теперь непосредственно в область веры. Люди сами выбирают себе события из массы предложений и верят, что они точно случились, а остальное – пропаганда.

Читая книгу И. Соловьевой и В. Шитовой, я – как не удивительно это мне самому – больше задумывался не о механизмах управления массовым сознанием, а о судьбе жизнестроительных идей в России. О том, что самая красивая мечта, самый лучший план социального переустройства компрометируются неспособностью видеть реалии их воплощения. Это же, как выяснилось, относится и к несимпатичным мечтам, идеям и планам.

Думал я и о том, насколько трудно достигим идеал внепартийного журнала, единственным направлением которого должно быть уважение к искусству и аргументированным высказываниям о нем людей, с чьим мнением ты не обязан соглашаться.

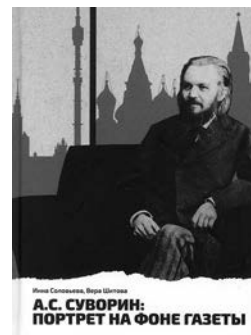
Впрочем, передаю слово Инне Соловьевой. Публикуемый текст не вошел в издание книги. Мне он кажется важным – и как взгляд на предысторию создания работы, и как продолжение размышления о массовом сознании, и как приглашение задуматься о смысле исторических сближений.

¹ Соловьева И., Шитова В. А.С. Суворин: портрет на фоне газеты. М.: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, издательская группа «Навона», 2017. С. 87.

² Там же. С. 90.

Инна Соловьева

Полвека спустя

Инна Соловьева, Вера Шитова.

«А.С. Суворин: портрет на фоне газеты».

М.: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, издательская группа «Навона», 2017

Независимо от того, чего стоит сам текст, замечательно его происхождение. И так – о том, как он возник.

В «Новом Мире», (№ 10, 1960) была опубликована статья Владимира Саппака «Телевидение, 1960. Из первых наблюдений». Теперь сказали бы: препринт. Саппак готовил книгу о природе телевидения и возможностях ее применения. Он вел исследование самым простым способом – изо дня в день смотрел «голубой экран», как и что там изо дня в день показывали. Что, как и зачем. *Зачем* это нам и *зачем* это им, – тем, кто показывает, организуя свой и наш день.

Владимир Саппак до того писал о театре в соавторстве со своей женой Верой Шитовой, но новую работу он задумал один. Так вышло. У Саппака с детства была тяжелейшая астма, все больше времени приходилось проводить дома. Дома у него, как тогда у всех, уже появился «ящик». Саппак относился к ящику с интересом и доверием – готовность интересоваться и доверять была прелестна в его органике.

Саппак не досмотрел – не дописал свою книгу – скончался 23 ноября 1961 г. Остались ворохи бумаг, исписанных легким, быстрым, разборчивым почерком. Ясен был замысел. Сложить книгу было нетрудно. Книгу издали быстро. Ей дали бумажную веселую обложку. По страницам в текст забегали рисуночки: занятные, милые. Книгу назвали как хотел того автор: «Телевидение и мы», ее читали увлеченно, она собрала премии.

Саппак обещал телевидению судьбу нового вида искусства и нового способа людского сближения. Хотелось довериться его прогнозам. Возможно, этим прогнозам еще настанет время сбыться. Но тогда, по ходу 60-х, у нас с телевидением однако все складывалось не так. Совсем не так.

Наверное, особая тема – место «ящика» в доме в первые десятилетия русской жизни без Сталина: как и почему «ящик» стал важен в ее составе, как она – русская жизнь – медленно и неуверенно укладывалась после марта 1953-го.

«Ящик» везут с собою, когда переселяются в пятиэтажки всяческих Черемушек (на веселой бумажной обложке большой квадратик экрана обозначен над условными белыми прямоугольниками, белевские пятиэтажки и дома повыше). Возникает во множественном числе жилье частное – коммуналкам возникает антитеза высотой в два с половиной метра. В сущности – новый способ бытия. То ли очеловечивание образа жизни, то ли истолчение его в пыль.

В нашей словесности мало закреплены первые недели после марта 1953-го. Тем дороже строчки о столице какова она сразу после сталинских похорон: «Вот был он, и вот нет его, гиганта и героя...».

Москва была не грустная, Москва была пустая.

Нельзя грустить без устали, – все до смерти устали...

У телевизоров КВН, которые перевозили в пятиэтажки, экранчик как открытка; к нему, маленькому, пристраивали линзы, линзы помогали мало. Экранчик и гигантизм обламывающихся конструкций сталинского мира – контраст напрашивался.

Встряска была жесточайшая. Пыль поднималась столбом.

В минуты жесткой общей встряски обычно ищут аналогий с тем, что уже бывало в истории. Ближней к русской встряске пятидесятых годов двадцатого века была аналогия с встряской пятидесятых годов века девятнадцатого: падение Севастополя, смерть Николая I, годы перед «несчастьем» (см. «Вишневы сад»: «– Перед каким несчастьем? – Перед волей»). Тогда тоже все «переворотилось», укладываясь неловко, это уже по Толстому.

Обвал системы предполагал необходимость искать контактов с множествами обитателей системы, нынче из своих луз вышибленных. Технически свежее изобретение, телевидение выращивало свои задачи не на пустом месте.

Так вот, остановясь в точке, до которой довел свои бдения у голубого экрана Владимир Саппак, работавшие над его записками Соловьева и Шитова предложили «Новому Миру» цикл работ – портреты людей, которые так или иначе, в тех или иных целях создавали и варьировали то что станет именоваться СМИ – средства массовой информации, они же средства общения с людскими множествами.

Так была начата работа, посвященная «Новому времени» Алексея Суворина и его издательской империи. Методику исследования зарифмовали с методикой Саппака, остававшегося у голубого экрана изо дня в день. То было еще и в согласии с методикой самого телевидения и методикой газетного дела. Там и там решает эффект постоянства присутствия с заданной наперед программой дня вещания. Она же обозначенный наперед круг ваших реакций и ваших представлений о ходе жизни.

Поскольку газетный фонд библиотеки им. Ленина не был еще переправлен в Долгопрудный, Соловьева читала «Новое время» в третьем зале; читать там на балконе было удобно. Принцип был выдержан – газета прочитана от первого номера, который вышел 29 февраля в високосный 1876 г., и до последнего отпечатанного до смерти Суворина в 1912-м. Читать оказалось захватывающе интересно. К тому что происходило за стенами библиотеки, Суворин имел отношение живое, даже слишком живое.

В цикле работ, затеянных для «Нового мира», как заключительная предполагалась статья об «Огоньке» в его противостоянии с редакцией Твардовского.

За «Новым миром» Твардовского было то, что встало с обвалом сталинской системы. Встала воля к освобождению, оно же усилие узнавать и понимать; встала воля к «правде сущей». Воскрешалось собственное достоинство.

С расшатыванием системы связалась и деятельность Анатолия Софронова, который после кончины вождя получил в свое распоряжение тонкий журнал «Огонек».

«Огонек» существовал давно, Анатолий Софронов повел его иначе – умело и убежденно. Он видел своими подписчиками обитателей всяческих Черемушек, был рад за них на их скромных личных квадратных метрах. Желал им спокойной жизни, печатал для них в каждом номере репродукцию приятной картины. Заботы, которые душевно потрясали читателей «Нового мира», от своих читателей он отводил. «Один день Ивана Денисовича» не чтение для этих милых людей, тем более это

не чтение для них, если в ГУЛАГе давным-давно сгинул дед или двоюродный дядя. Зачем вспоминать.

Софронов ненавидел всякое тревожащее начало искренне и последовательно. Многие с ним совпадали в этом. «Письму 11-ти» против мыслей и души «Нового мира» так же естественно было появиться в софроновском «Огоньке», как ему естественно было иметь поддержку на самом верху.

Твардовский подаст в отставку, которую ему навяжут. Его похороны состоятся 17 декабря 1971-го. Софронов постоит в карауле над гробом, добившись своего. Ему оставалось жить и жить. У «Огонька», который он вел до 1986-го, не уменьшались миллионные тиражи. Софронов и его журнал храбро несли взятые на себя задачи организации и утешения.

Не только статью об «Огоньке», но и статью о Суворине в «Новый мир» сдать не привелось. А написать надо бы, прочитавши софроновский «Огонек» так же без пропусков, как номера «Нового времени» Суворина.

Вслед за Сувориным Софронов создавал печатную империю с имперской властной установкой на агрессию, с установкой на расширение и с истинно здешними комплексами: нас не любят и не ценят.

Статья о Суворине гуляла по рукам. Приятно было предложение журнала «Вопросы литературы» дать туда выжимки некоторых тем ее – публикация состоялась в номере № 2 за 1977 г., за что авторы остались благодарны.

У времени свои игры. Парадокс: судьбой «Портрета Суворина» нежданно озаботились не где-нибудь, а в «Огоньке». Работавший там в 1985–1988 гг. Андрей Караулов запланировал его как очередной выпуск тамошней «Библиотечки». Рукопись он отправил рецензенту прекрасному, которого авторы не посмели бы себе пожелать. В «огоньковском» конверте на адрес Соловьевой с курьером принесли отзыв Сергея Сергеевича Аверинцева.

В «Огоньке» впрочем спохватились и дело замоталось. Куда-то подевались и экземпляры рукописи. Ни у того, ни у другого соавтора экземпляра не осталось. Кстати, об играх времени: Андрей Караулов – это тот самый, который многолетний, нагло целевой «Момент истины» по телеку.

Годы спустя исследователь новой формации Аркадий Островский с судьбами русского телевидения свяжет разнообразно движущийся

сюжет своей талантливой жесткой книги. Она выйдет в Англии и будет называться *The Invention of Russia*, т.е. изобретение России: как оно – телевидение – ее, Россию, формировало и двигало с середины двадцатого века и до этого века конца. Завязку сюжета автор отодвигает на десятилетия – еще до событий 1991 г.; борьба идет за будущую власть над тем, что уже привычно разумеется под аббревиатурой СМИ. Средства массовой информации. Сперва газета, потом голубой экран. Власть над ними берут с бою, как в давние времена брали вокзалы, мосты, телеграф.

Кто, как и зачем овладевает средствами массовой информации. Что это за средства. Кто их выдумал. Как началось, что ими стали пользоваться в столь широкой перспективе как «изобретение страны».

Аркадию Островскому, когда он обдумывал свою книгу, помнился слух про давнюю работу на ту же примерно тему; Шитовой уже не было в живых, а Соловьевой конечно хотелось бы узнать, как сегодня читаются их с Шитовой мысли. Но старая рукопись тогда не нашлась. Всего досадней, что с нею, без вести пропавшей, пропала и рецензия на нее. Ни чья-нибудь, а Аверинцева. А в книге у Аркадия Островского один из самых важных кусков – про статью Аверинцева, написанную тотчас же после августа 1991-го: ум во всей полноте сил, точность в оценках, верность в опасениях.

Представляя рукопись найденную годы спустя так же необъяснимо, как необъяснимо исчезавшую, повторим то, что о ней сказано лет тридцать с лишним тому назад. С.С. Аверинцев начал свою рецензию так: «Тема – интересна и до крайности актуальна, даже злободневна: как осуществляется манипулирование сознанием разобщенного, распыленного общества...

Лучше было бы, если бы прошедшие годы актуальность этих тем ослабили бы. Но нет. Впрочем, читайте.